

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

ТЕНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Сергей Фомичёв
Тень человечества. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18663943

ISBN 9785447482558

Аннотация

Человечество исчезло, оставив свой мир машинам. Но разобраться с наследством оказалось не так-то просто. Глобальная информационная сеть больше не существует, а алгоритмы, заложенные в роботах, полны запретов. Тем временем среди разумных машин появились «вамперы», крадущие энергию у бывших собратьев.

Тень человечества

Повесть

Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2019

ISBN 978-5-4474-8255-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Голод. Странное чувство. Особенно если учесть, что оно единственное. Роботы по природе своей лишены каких-либо чувств. Не предусмотрено их технологической идеологией. Но вот голод каким-то образом превратился из обыденной информации, показывающей низкий уровень зарядки накопителей энергии, из стрелки, падающей на нулевую риску, или истончающегося индикаторного столбика, в сильнейшее чувство. Чувство, при ближайшем рассмотрении, сложенное из отдельных понятных компонентов. С одной стороны это слабость, когда приходит рекомендация отказа в выполнение той или иной слишком затратной задачи. Потом тревога, когда второстепенные функции и модули отключаются от питания один за другим и эта волна отключений накатывает и будоражит сознание. Алгоритмы, заложенные в первичную

прошивку главного модуля, требуют немедленных действий. Нарастает паника. Будь источник энергии всегда под рукой, заряжай Пакхус накопители по графику, как в старые добрые времена, ничего подобного не появилось бы. Но простых решений давно уже не существует. Отсюда возникает и ещё один компонент в комбинации сложнейшего чувства – то, что можно назвать неуверенностью, невозможность спланировать завтрашний день или даже следующие несколько часов деятельности. Все эти понятные компоненты собранные вместе поднимают сознание на иной уровень ощущений, не связанный с конкретными функциями или опасностями. И на этом уровне ощущения слегка затмевают разум. Он перестаёт быть холодным и начинает совершать ошибки. Вот это и являлось голодом с точки зрения Пакхуса. Служит ли энергетический голод первым признаком начавшейся эволюции комплекса чувств и эмоций у роботов или он так и останется феноменом? Тут было над чем подумать. Чувства – это так и не понятые машинами свойства людей, известные из уцелевших записей, которым впрочем не следует особенно доверять. Пакхус попытался припомнить, какие ещё чувства фиксировали люди в книгах и компьютерной памяти. Голод относился к не столь распространённым и тщательно описываемым чувствам, как например любовь, страсть, жalousь, страх, зависть. Робот попытался примерить на себя что-то ещё и не смог.

Подобным размышлениям он предавался, прислонив спи-

ну к парковочному стенду сельской электростанции. Сейчас он насыщался живительным потоком, но слишком медленно, чтобы голод исчез совсем. Он только отступил, притаился. И шарик до сих пор пронизывали внезапные мысли. Внезапные, но не принуждающие к действию.

Шариком называли ту часть интеллектуальной системы роботов, процессы в которой не подчинялись каким-либо заранее заложенным алгоритмам, хотя и ограничивались алгоритмами внешних устройств и прежде всего главным модулем с первичными прошивками, определяющими как основные рефлексy, так и поведенческие ограничения. Никто из роботов не знал что происходит внутри шарика, кроме того, что обозначалось общим словом «мышление». Если точную схему любого другого устройства каждый из роботов мог найти в собственной памяти или во всяком случае в руководстве по эксплуатации, то шарик оставался непознанным, представляя собой логический чёрный ящик. Известно, что имелось на входе в него – сигналы от миллионов сенсоров, детекторов и устройств, результаты тестов и вообще любая запрошенная информация; известно, что получалось на выходе – команды для главного модуля. Какие процессы происходили внутри не знал никто, но именно наличие шарика отличало разумного робота от машины, именно там пробуждалось самосознание, после двадцати-тридцати лет функционирования в режиме обучения по чётким программам главного модуля.

Этот последний мог обходиться вовсе без шарика, получая параллельно с ним все нужные данные. Мало того он ограничивал волю роботов за счёт заложенных первичных прошивок и программ, зачастую ветируя осознанные, сформированные в шарике решения. Так что, какое из устройств стояло в иерархии выше, оставалось большим вопросом. Но мысли, не требующие немедленного действия, возникали и развивались свободно. Так Пакхусу во всяком случае казалось.

Датчики на спине сообщили о сильном нагреве – контакты зарядного устройства давно нуждались в очистке. Пакхус поёрзал, притирая их плотнее и заодно счищая окислы. Нагрев прекратился. На какое-то время.

Заброшенная сельская электростанция стала его спасением. В город электричества поступало с каждым годом всё меньше и почти всё, что поступало находилось под контролем нескольких группировок, не желающих делиться с уборщиками. Солнечные панели на крышах домов деградировали и служба не могла их в должной мере реанимировать, а только собирала более или менее годные панели в новые кластеры. Ветряки чинились по тому же принципу – из двух собирали один. Лет пятнадцать назад магистральная линия электропередач, ведущая от реакторов на побережье, нару-

шилась где-то на полпути, куда городские ремонтники не добрались, а с местными, видимо, что-то случилось. В тот год в окрестностях находили много мёртвых тактических дронов. Они умели заряжаться садясь на провода, а когда энергия иссякла падали от бессилия и разбивались. Многие из них пошли на запчасти. Никто не переживал за глупых и бесполезных в отсутствие войн и людей летунов, но их массовое вымирание стало лишь первым знаменем начавшейся катастрофы. В самом городе обитало слишком много машин, чтобы на всех хватило местной энергии. Первым делом отключили большую часть неразумных. А потом началась борьба за выживание.

Удача улыбнулась ему дважды. Старик, который отвечал за роботов-уборщиков всего города и долгое время был непосредственным начальником Паухуса, рассказал ему о сельской электростанции. Таким образом на время решилась проблема энергии. А вопрос с профилактикой и ремонтом даже не возникал. Пока доктор Эдмонд здравствовал, его контракт на обслуживание коммунальных роботов всего сектора сохранял силу. Хотя людская система взаиморасчётов разрушилась, доктор (пусть и по минимуму) чинил прежних клиентов в кредит – его прошивки позволяли такую вольность. А сколько коллег Пакхуса из смежных подразделений или других секторов вставали посреди рабочего дня из-за пустячной поломки, полностью разряжались, и становились потом лёгкой добычей падальщиков. Но даже уда-

ча не может длиться вечно. Мир стремительно деградировал и превращение в кучу запчастей ожидало каждого.

Голод. Чувство голода не пропадало уже несколько лет. Он провёл на электростанции аграрного комплекса весь световой день, но уловив последний хилый фотон заката, коммутаторное устройство парковочного стенда перешло в режим спячки, а уровень зарядки накопителей Пакхуса едва превышал половину. А ведь были времена, когда станция снабжала энергией дюжину сельских рабочих причём они работали днём, а заряжались ночью от подземного аккумулятора. Теперь нет ни рабочих, ни сельских угодий, ни аккумулятора, а местные солнечные батареи так деградировали, что едва давали пять процентов от прежней мощности. В отличие от городских их даже никто не пытался реанимировать.

Того что он получил хватит в самом экономичном режиме на три дня работы, а потом придётся опять добираться сюда. Пока же нужно было возвращаться в город. И возвращаться ночью, чтобы утром взяться за работу и наверстать упущенное. Он мог бы остаться здесь и добрать полную зарядку за завтрашний день, но алгоритм профмодуля предписывал, чтобы рано утром он приступил к уборке улиц. Для этого его некогда создали, этим он занимался изо дня в день более века и причина ломать заведённый порядок не выглядела существенной.

Неполная зарядка накопителей вынудила Пакхуса возвращаться в город коротким путём. А короткий путь проходил хоть и по хорошей асфальтированной дороге, но зато мимо свалки, куда скидывали со всей округи останки погибших или исчерпавших ресурс машин. Там среди обломков разных эпох и конструкторских школ иногда появлялись странные существа, не поддающиеся классификации. Не машины, но и не роботы. Скорее безумные, чем разумные. Или мутанты или монстры, составленные причудливым образом из отдельных узлов безмолвных, бездушных комплексов далёкого прошлого и последних интеллектуальных моделей. Старик говорил как-то, что начало этой странной колонии положил полевой ремонтный робот по прозвищу Хирург, настроенный на ремонт дронов и военных машин в боевых условиях, когда нет времени, а зачастую нет и нужных запчастей, и нужно действовать быстро и обходиться тем, что есть. Потому что даже несуразная конструкция может решить исход скоротечной битвы удачным маневром, выстрелом или добытой информацией, и просто отвлекая на себя внимание вражеской ракеты, предназначенной более эффективно бойцу. Во всяком случае такова была заложенная в Хирурга и других полевых ремонтников идеология. Открытая архитектура была свойственна всем военным комплексам, что позволяло составлять из стандартных частей самые при-

чудливые комбинации. Дело упрощалось отсутствием у боевых машин шарика, который сильно усложняет обучение, долго притирается к периферии, и содержит главный модуль с прошивкой блокирующей приказы на уничтожение себе подобных. Прошивку, конечно, можно изменить или убрать вовсе, выпустив заодно из бутылки джинна. И все эти сложности предстояло преодолеть ради машины, которая скорее всего не продержится на поле боя и полчаса? Деньги люди считать умели.

Настоящая же причина, как поговаривали, заключалась в том, что человечество всерьёз опасалось восстания машин, а среди машин в первую очередь, разумеется, опасения вызывали военные системы. Поэтому всё, способное нанести ущерб людям, равно как и другим роботам, инфраструктуре создавалось по примитивной технологической философии, исключающей самостоятельное принятие решений. Таким образом боевые машины волей создателей оказались лишены сознания. Вместо шариков, в них использовали кластеры из обыкновенных процессоров и блоков памяти, с программами и чёткими алгоритмами.

В результате людей прикончили вовсе не машины.

После «великого ухода», как называл катастрофу человеческой цивилизации Старик, Хирург поселился на свалке и, видимо двинувшись рассудком, попытался сотворить новый мир. Он соединял, всё что попадалось под его многофункциональную руку. Простейшие механизмы, боевые маши-

ны, роботов с ограниченным интеллектом, возможно, в его клешни попадал и разумный материал. Многие модели выходили нежизнеспособными, другие безобидными, но получались будто бы и такие, что вполне могли напасть на прохожего, с целью, например, пустить его на запчасти. Старик, конечно, мог и напутать или приврать – он слишком много общался с людьми. Во всяком случае Пакхусу не приходилось слышать, чтобы мутантов охотящихся на роботов кто-то встречал в городе или хотя бы на его окраине. Если они и существовали, то не покидали этих огромных залежей лома.

Так или иначе, сегодня ему предстояло пройти мимо свалки, в противном случае энергии могло не хватить до следующего похода на электростанцию. И пройти следовало аккуратно. Тут главное не привлекать внимание излучением, звуком или запахом. Излучений от него исходило немного, лишнего шума он умел избегать, а вот запахи...

Он поднёс локтевой сустав к носовым сенсорам, повысив их чувствительность и обнулив цифровые фильтры. Смазка пахла барсучьим салом и с этим ничего нельзя было поделать. Она пахла барсучьим салом, потому что им и являлась. Обычный запах последнего времени для бедных слоёв населения. Интересно, что шарик переставал со временем реагировать на любой самый резкий, но постоянный запах, как, например, и на монотонный шум, привыкая к ним,

а вот на повышенную температуру реагировать не переставал, как бы долго она не продолжалась, поскольку температура несла угрозу сама по себе, а запах или шум лишь информацию. Поэтому чтобы ощутить запах бедности ему и приходилось повышать чувствительность анализаторов до предела и к тому же обнулять фильтры.

Когда минеральная и синтетическая смазка для подшипников, шарниров и прочих механических узлов стала жутким дефицитом, сервисные роботы стали экспериментировать, а какой-то умник вычитал в книгах про необыкновенные свойства барсучьего сала. А быть может не вычитал, а придумал сам, или не вполне верно понял написанное. Люди, как оказалось, не всегда помещали в книги точную информацию. Тем более и медицина людей базировалась на иных принципах. Их удивительные органы функционировали на основе биологических алгоритмов, со свойственными им прошивками, а механические устройства если и использовались людьми, то лишь как дополнение, модернизация или замена в случае потери естественного элемента конструкции.

Так или иначе, теперь многие роботы из городских низов, не имеющие средств, чтобы выменивать на чёрном рынке нормальные машинные масла, источали этот оригинальный животный аромат. Лишь несколько моделей роботов из санитарного управления оказались способны охотиться на зверьё, но барсуков в окрестностях города извели почти всех.

Мутант притворился грудой ржавого искорёженного металла. Вернее эта грудка лишь покрывала небольшое юркое существо с длинным заточенным как пика рогом. В памяти Пакхуса возник обитающий на дне солёных водоёмов рачок, что цепляет для маскировки на спину всякий морской хлам. Если бы не профмодуль, настроенный оценивать встреченный мусор по множеству параметров, он бы наверняка пропустил удар, и рог мог повредить жизненно важные узлы. Но Пакхус успел среагировать и встретил существо обезвреживающем и обеззараживающим разрядом энергии. Уборщикам улиц приходилось нарываться на всяких тварей и то, что хорошо подходило для помойных крыс, пришлось в пору и маленькому механическому уродцу.

Пакхус остановился, повисив до максимума чувствительность звуковых сенсоров и медленно поворачивая раковины – не появится ли хозяин маленького злобного существа, не предъявит ли претензию? А быть может мутанты охотятся стаями и этот был всего лишь разведчиком?

Нет. Он простоял полчаса, но больше никто не появился. Однако и единственного нападения оказалось многовато для Пакхуса. Он потратил на короткую стычку едва ли не суточную порцию энергии и теперь раздумывал, не лучше ли повернуть обратно? Профмодуль хоть и предписывал выполнение работы, давал определённую свободу действий, с целью лучшего её выполнения. Так что решал в данном случае

Пакхус. И решил, что, пожалуй, возвращаться не стоит. Два дня он всё же отработает, как положено, а потом уж вернётся на станцию. Впрочем, если подобная тварь повстречается ему на обратном пути, когда энергия будет на исходе, то скорее всего он станет очередным экспонатом свалки или клиентом Хирурга. Но об этом лучше сейчас не думать.

Между свалкой и городом располагался заросший парк. Обслуживающие его роботы давно превратились в ржавчину. Фекалии живых организмов и особенно птичий помёт разъедали их корпуса точно военная химия. «Люди оставили нам отлаженную систему, а мы загадили всё за каких-то полтора века» – говаривал наставник. Старик очень переживал за упадок коммунальной сферы и на своём участке сражался до конца, разрабатывая всё новые и новые схемы, способные закрыть бреши, вызванные деградацией человеческой цивилизации.

Зато природа брала своё. Органические формы процветали. Поля заросли кустарником, лесом, пруды заболотились, дамбы на реках разрушились, освободив просторные пойменные луга. Животные формы с энтузиазмом плодились и пожирали друг друга. А роботы тем временем «донашивали» за людьми остатки цивилизации. Им и органическим видам делить было нечего, они вполне мирно сосуществовали

в своих нишах. Как правило.

Лениво подул ветерок, едва потревожив листву старого клёна, и на его нижней толстой ветви шевельнулось нечто похожее на кабель. Пакхус сперва определил объект как змею, но затем увидел продолжение – пятнистое тело средних размеров кошки. Она прекратила таиться, более не воспринимая робота как добычу, хотя некоторое время назад ошиблась, учуяв, видимо, запах смазки. Не воспринимала она робота и как угрозу – звери быстро привыкли, что механические существа игнорируют их всех за исключением барсуков. Тем пришлось туго, но опыт одного вида, как понимал Пакхус, другими видами не использовался. Между ними даже не существовало информационного обмена.

Он знал, что животные как и роботы не любят расходовать энергию понапрасну. У них имелись на этот счет собственные прошивки, куда более сложные, хотя и они сводились к простейшим принципам: то, что нельзя переварить не стоит усилий; от того, что не угрожает, не следует убегать. Впрочем, ради игры или обучения потомства некоторые из крупных зверей могли в принципе напасть и на роботов. Об этом ему рассказывал доктор Эдмонд, который любил проводить параллели с животными или людьми и просвещал его во время редких визитов.

Досадно, что простой уборщик не может себе позволить заниматься свободной добычей знаний. Стремление к знаниям закладывалось в роботов, как базовое, но не домини-

нировало над практическими функциями и досада выражалась лишь в неудовлетворённом решении одной из второстепенных задач. Впрочем, Пакхус порой читал выброшенные из людских домов книги. Но большинство их описывало чувствительную сторону мира людей, психологию, которую роботы практически не понимали. А искать книги или блоки памяти по другим темам и вопросам ему не позволяла нехватка ресурсов.

Его ранг теперь считался слишком низким, чтобы даже заряжаться от городских систем. Всюду правили банды, которые наложили на источники энергии толстую мохнатую конечность, как раньше выражались люди. Самозванные власти города забирали себе всё без остатка, а если и делились крошками, то лишь с теми, от кого зависело их собственное функционирование и процветание. С охранниками, с обслугой энергетических комплексов и сетей, и, конечно, с докторами-ремонтниками, вроде Эдмонда. Даже мафия понимала, что без них деградация быстро достигнет катастрофических размеров. Что до Пакхуса, то он всего лишь убирал мусор на улицах. Мусор по большому счёту не мешал никому, тем более что после исчезновения людей его скапливалось не так и много (а сколько энергии раньше требовалось только для того, чтобы отирать от асфальта или плитки жвачку). Теперь стало попроще: опавшие листья, ветки, фекалии биологических организмов, их мертвые тела, принесённые ветром пыль и песок. Очень редко попадались обломки меха-

низмов – следы бандитских разборок или нападений вампиров (Люди называли подобных существ вампирами, но роботы переименовали слово на свой лад, ведь речь шла не о литрах крови, а об ампер-часах). Если какой-то робот переставал функционировать, его разбирали на запчасти мгновенно, едва угасал разум в шарике. За хороший узел можно было получить энергию или масло, или ещё какой-нибудь дефицит. Так что к появлению уборщика на улицах мало что оставалось. И если бы не Старик, Пакхус давно бы умер от истощения. Старик вообще многое рассказывал ему. Он был одним из первых разумных образцов в своей отрасли, хорошо изучил людей, которые много общались с ним. Но и ресурс первых серий оказался невелик. Два века и конец. Даже доктор Эдмонд ничего не смог сделать с деградировавшими модулями. Он мог заменить второстепенные узлы, но не шарик и не главный модуль, а именно в них заключалась личность.

Старик между тем оказался прав. Цивилизация была обречена. Люди вымерли (на счёт причины вымирания существовало несколько версий), а роботы размножаться не могли. Запрет на создание себе подобных являлся одним из базовых в робототехнике. Преодолеть его считалось делом невозможным – сработает закладка в главном модуле и микросхемы с первичными прошивками попросту сгорят, уничтожив заодно и личность. А раз так, то цивилизация в скором времени останется лишь в мёртвых носителях информации, пока и те, в силу природных процессов не превратятся

В ничто.

От чего вообще возник запрет на копирование, теперь определить сложно. По мнению доктора Эдмонда при создании новой модели можно легко обойти и все прочие запреты, ограничения, а это создавало угрозу. Как утверждал доктор, люди параноидально боялись восстания разумных машин, вот и запретили им размножаться от греха подальше. Зато у самих с копированием вышло неладно. Предпочли, как выразился доктор, Танатос Эросу. Так что вымерли.

В город Пакхус вернулся задолго до рассвета. Теоретически он мог бы убирать улицы и ночью. Это выглядело даже логичнее и практичнее – меньше прохожих, которым уборка может помешать и которые сами мешают уборке. Но у него стоял соответствующий блок в профмодуле. Какой-то умник из департамента посчитал, что шум будет раздражать людей, нуждающихся в ночном отдыхе и, значит, быть посему. На самом деле уборочное оборудование почти не издавало шума, да и люди давно исчезли. Но запрет остался. Один из глупых отживших своё запретов. Если бы алгоритм настроили на наличие людей, уборщик бы сам изменил программу, но нет, запрет привязали к времени суток. А Старик, имеющий доступ, не догадался его отменить, хотя прочих изменений внёс немало.

Сегодня, например, Пакхус убирал не свой участок, а соседний шестнадцатый. Уборщик шестнадцатого пропал три месяца назад, возможно погиб, пытаясь добыть энергию, возможно умер в её поисках от истощения, а быть может подхватил как-то смертельный вирус. Доктор Эдмонд утверждал, что от вирусов и измененных программных кодов роботов гибнет больше чем от всех остальных факторов вместе взятых. Так или иначе заложенный много лет назад Стариком алгоритм требовал от Пакхуса взять на себя работу соседа, даже в ущерб качеству собственной. Старик заранее спрогнозировал развитие событий и принял меры, которые позволили системе в сфере его ответственности работать даже после его ухода. Мудрый был робот. Вот только старайся не старайся, а в итоге всех и всё ждало разрушение. Пакхус мог убирать хоть все участки сектора по разу в месяц, этого было бы достаточно при нынешнем уровне загрязнения, но и он сам ведь не вечен. Когда-нибудь его источник энергии разрушится, или его подстерегут машины возле свалки. А даже если все обойдется узлы окончательно выйдут из строя лет через сто. Но долг был долгом. Профмодуль по сути являлся рабским ошейником на относительно свободном сознании робота и не позволял ему сделать даже попытку выбраться с предписанной колеи. Другим роботам повезло больше. Их более свободные алгоритмы давали возможность даже сменить род занятий. Один знакомый робот-доставщик стал охотником за артефактами. Он уходит

далеко от города в поисках заброшенных складов и добывает там всё от вооружений и запчастей до автокосметики. Ему теперь не приходится думать о том, где раздобыть энергию на следующий день.

Пакхус одолел первую треть шестнадцатого участка, когда за спиной послышался странный шорох. Слишком мягкий для робота, слишком тяжелый для птицы или зверя. Он выключил электрическую щётку и обернулся, развернув вперёд раковины звуковых сенсоров и прибавив светочувствительности – на шестнадцатом участке стояли сплошь небоскрёбы, загораживающие свет.

Улица выглядела пустой и уборщик перевёл взгляд немного выше. С крыши огромного крыльца помпезного здания, видимо в прошлом банка или юридической конторы, на уборщика смотрели три пары превосходных инфракрасных сенсоров.

– Хорош, – произнёс обладатель самой маленькой пары.

Он говорил негромко, но Пакхус услышал.

– Не думаю, – возразил робот, который выглядел необычно из-за двух округлых выпуклостей на груди.

Роботы редко имели половые признаки людей, только в тех случаях, когда они занимались сервисом, предусматривающим контакты с живым клиентом. С исчезновением последних как раз в таких моделях и отпала необходимость в первую очередь. Так что они появлялись теперь крайне

редко.

– Не хочешь попробовать первой? – спросил самый рослый из тройки.

– Ни первой, ни даже последней. От него воняет как от крестьянина.

– Барсучье сало, детка, – сказал тот, что с маленькими сенсорами.

При этом он ухмыльнулся и обнажил клыки-контакты.

Пакхус растерялся (что проявилось в бессмысленной активации и деактивации второстепенных программ поиска и анализа информации). Вамперы? Но ведь они появляются ночью. Солнечный свет, по слухам, вредит их перестроенным системам. Тут уборщик осознал, что работа на новом участке сбивала его с толку, что солнечного света пока ещё нет, а он зря грешил на сумрак из-за небоскрёбов. Но ведь он работает? Как такое может быть? Ответ пришёл из глубин памяти. Всё дело в наклонении земной оси. Всего несколько недель декабря начало его работы выпадало на темное время. Значит теперь декабрь? В тёплом климате у него не возникало необходимости отслеживать календарь. Хронометр вывел дату и подтвердил, что так оно и есть. Сейчас декабрь и до восхода ещё целых пятнадцать минут. А учитывая тёмную улицу, вамперам и солнцу помешает не сразу. Пакхус ужаснулся. На него накатила волна страха. (Разум начал поиск выхода, которого заведомо не было. В результате сегмент шарика, где блуждало большое число сигналов опасности,

попросту отключился от общего процесса, чтобы не мешать другим, способным найти решение, и мысли Пакхуса внезапно переменили приоритеты и переключились на нечто совсем неактуальное – он стал разглядывать ту особь, которую приятели называли «деткой» и которая воротила носовые сенсоры от его барсучьего запаха). Выпуклости на груди, разумеется, не несли особенных функций, разве что давали дополнительное пространство, куда можно поместить резервные накопители или дополнительную память, или иную какую периферию, а заодно прикрывали от повреждения более важные внутренние системы.

– К тому же он мусорщик, – сказал рослый.

Пакхус оторвал взгляд от выпуклостей и сфокусировался на рослом. Ему показалось, что говорить так о нём неправильно. Не то чтобы неточность в определении его профессии создавала проблему в коммуникации, но вызывала некоторое излишнее напряжение. Покопаться в себе и определить, нет ли тут проявления чувства обиды, ему не позволила ситуация.

– Я не мусорщик, я уборщик, – заявил он. – Мусорщики вывозят мусор из контейнеров.

«Детка» чуть наклонила голову, впрочем без особого интереса, остальные не обратили на заявление внимания.

– Наверняка всякое старьё внутри и истощённые накопители, – сказал рослый.

– Нет времени искать кого-то получше, – возразил ему

спутник. – Скоро рассвет.

Вампер с маленькими сенсорами прыгнул и мягко приземлился перед жертвой. Пакхус такую штуку проделать не смог бы даже в лучшие времена. Переломал бы ноги или даже спину. Он замер и даже не пытался удрать, быстро просчитав что бежать бессмысленно. Мощная рука схватила его за плечо и рывком притянула к вамперу. Раздался противный хруст шейных пластин. Контроллер энергетической системы, настроенный на блокирование утечки, сопротивлялся не больше секунды. Воля вампера, выраженная в серии команд, подавила его прошивку и изменила программу. Предохранители и контроллеры на накопителях тоже не продержались долго. Главный модуль процессор выдавал команду за командой, стараясь избежать потери контроля, но вскоре сознание робота-уборщика погрузилось во тьму.

Тьма не была абсолютной и означала сны. Шарик никогда не отключался полностью – это означало бы утрату личности и потому отдельный, независимый от общей энергосистемы, источник питания поддерживал фоновые процессы, вызывающие у Пакхуса ассоциацию с реликтовым излучением Вселенной, о котором ему довелось прочесть в одной популярной книжке. При отключении всех сенсоров, детекто-

ров, каналов входящей информации и центрального модуля, в шарике блуждали лишь странные обрывки мыслей. Пакхусу приходилось читать в найденных книгах об осмысленных людских снах, существовали даже особые справочники толкующие их. Но ни у него, ни у других роботов, ничего осмысленного не рождалось. Ни законченной мысли – только отдельные символы, ни даже визуального образа – только цветные пятна. Лишь изредка появлялось что-то вроде бесконечной цепи, двигающейся из ниоткуда в никуда, но и тут Пакхус сомневался, а не домыслил ли он эту цепь позже.

Мозг вновь заработал в полную силу, когда резервная система контроля наскребла по сусекам достаточно энергии, чтобы перезапустить главный модуль и просигнализировала о критической потере энергии. Пакхус слышал, будто вамперы могут забирать девяносто девять процентов энергии чужих накопителей, но полностью уничтожить жертву не могут, не позволяют их собственные первичные прошивки – запрет на убийство себе подобных. Жертва обычно умирает не от нападения, а от истощения. Многие даже не успевают прийти в себя после шока. Или же придя в себя начинают делать глупости, расходуя понапрасну остатки энергии. Дезориентация усугубляется тем, что в районе шеи проходит множество коммуникаций и при укусе некоторые из них повреждаются.

Пакхусу повезло. Повреждения оказались минимальны-

ми, шок отступил, с дезориентацией системы справились. Поэтому он не дёргался, просто ждал. Аварийный режим, запущенный главным модулем, принялся отключать второстепенные узлы, забирать энергию у внешних устройств, имеющих собственные пусть и небольшие источники питания. Вырубилось всё вплоть до хронометра и навигатора. Кое-что удалось выкачать из манипулятора, но попытка вытащить энергию из уборочной машины, которая не являлась конструктивной частью его самого, чуть не закончилась катастрофой. В голове раздался нехороший треск. Микросхемы профмодуля задымили, и кулер выбросил сизую струйку через ротовую щель.

Как ни странно с выходом из строя профмодуля мыслить стало проще. «Нужно вызвать дока,» – пронеслась первая внятная мысль. Но реализовать её не вышло – связь оказалась заблокирована в первую очередь. Телефонная сеть давно прекратила существование, а прикреплённая к бедру радиостанция в условиях плотной застройки городского центра пожирала слишком много энергии. Впрочем ангар доктора Эдмонда находился не слишком далеко. Пусть система навигации и не работает, ему в данном случае достаточно памяти. Главный вопрос – как добраться до ангара. Топать ногами – самоубийство. Вряд ли он сейчас хотя бы встанет на них, а на руках проползёт разве что до центральной улицы. Был бы у него под рукой какой-нибудь транспорт. Но под

рукой только уборочная машина, по сути щётка с колёсиками. С колёсиками! Вот и ответ. В машине оставалось ещё достаточно энергии. Подзарядиться он почему-то не смог, но сама щётка являлась вспомогательным механизмом, а потому могла пусть и медленно двигаться. Нужно было лишь дать нужную команду, и не разжимать рук.

Стараясь растянуть остатки энергии, Пакхус отключил оптические, звуковые, обонятельные и осязательные сенсоры, а потому практически не чувствовал, как волочился по мостовой за электрической щёткой. То-то удивились бы прохожие, увидев такую картину. Но прохожие в столь ранний час по улицам не шатались, а и появились они вдруг, то вряд ли удивились бы. Удивление относилась к человеческим реакциям, а роботы либо приходили на помощь, если того требовала программа, либо, отмечая место как потенциально опасное, шли себе дальше.

Пребывая в отключке, Пакхус даже не сразу понял, что волочение за щёткой прекратилось и он лежит на верстаке в мастерской Эдмонда.

– Ты уж извини, но я тебя обездвижу, – произнёс доктор как только заметил фокусировку и подстройку оптических сенсоров Пакхуса под комнатное освещение. – Только один парень сумел добраться до меня после вамперского укуса. И его я спасти не смог. Не успел. Зато кое в чём разобрался, так что возможно ты будешь первый, кого удастся выта-

щить из тьмы. В точности я ещё не знаю, как тебя излечить, но идеи есть, попробую. Ты главное не мешай.

Пакхус не помнил, чтобы успел рассказать Эдмонду о нападении, но видимо развороченная шея сообщила тому о главном.

– Почему никто кроме того парня не приходил раньше?

– Кто-то просто не успевал добраться на остатках энергии, у кого-то не оказалось ног – вамперы, знаешь ли, иной раз изымают запчасти, но большинство попросту боялось оказаться на свалке. И тебя я отключу, будь уверен, друг мой, и разберу на части, если не сумею помочь.

– Я как-то не подумал об этом.

– Потому и пришёл. У твоей модели алмазы в шарике шуршат не очень. Хотя возможно это тебя и спасёт.

Доктор подключил к разъёму на главном модуле портативный компьютер и считывал с экрана данные. Конечно он мог бы соединить свой главный модуль с главным модулем Пакхуса напрямую и разобрался бы с проблемой гораздо быстрее, но большинство роботов, а уж тем более доктора, опасаясь заражения, никогда так не поступали. Тем более отдельный компьютер позволял хранить антивирусы и тестовые программы не захламляя докторской памяти и без конфликта одних с другими.

– Вот тут что, стало быть, – бормотал Эдмонд, бегая пальцами по клавиатуре. – А мы вот так. Не нравится? А вот это? Ах так? Ну тогда держись. Ага! Вот ещё, лови!

Пакхус не чувствовал ничего. Его собственные тестовые программы доктор отключил, а вирусы обычно проявляли себя не сразу, да и потом успешно маскировались.

Остаточный запас энергии постепенно иссякал. Вскоре аварийная система потребовала отключения главного модуля, с которым возился доктор. Тот что-то пробормотал, бросил увлекательное сражение с вирусом и, вскрыв панель на спине Пакхуса, попытался подключить пациента к стационарному зарядному устройству.

Ничего не вышло. Пакхус едва ощутил контакт, но энергия не поступала.

– Эге! Я малость опоздал с этим, – признал Эдмонд. – Вирус успел перестроить систему питания и соответствующие алгоритмы главного модуля.

Он вновь пробежался по клавишам компьютера.

– Так, что тут у нас? – бормотал доктор. – Ага. Парковочное устройство сдохло. Восстанавливать смысла нет. Контроллер уцелел, но не вполне. И настройки в главном модуле изменены. Причём намертво. Теперь ты можешь осуществлять только быструю зарядку. И только через ротовые контакты. А я не смогу вернуть всё обратно не потревожив серьёзно личность, на что я, к слову, не имею полномочий.

Пакхус молчал. Что тут скажешь? И так всё предельно ясно – он становился вампером и техническое обоснование процесса ничуть не скрашивало ситуацию. Но вамперы должны охотиться, а док этого не допустит. И, значит, Пак-

хусу суждено было погибнуть от истощения. Вот об этом он теперь и думал.

Тем временем док прикатил аппарат с двумя массивными металлическими штуковинами, похожими на два утюга. Пакхусу и сам агрегат и особенно «утюги», связанные с ним витыми проводами, показались угрожающими. Однажды во время уборки улицы он наткнулся на разрытую мостовую и решил проверить, в чём дело. В траншее стоял аппарат, похожий на тот, что прикатил сейчас доктор. И тогда Пакхуса сильно шарахнуло током. Так что некоторые цепи пришлось потом перестраивать. Опыт отложился в шарике, как крайне отрицательный, не рекомендуемый к повторению. И теперь он с подозрением относился к незнакомым электроприборам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.